

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ**

ГУМАНИЗМ ЭРНСТА БЛОХА И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

© 2017

М.И. Фролова

**Фролова
Мария**

Ивановна —
независимый исследователь. Постоянный автор журнала.
E-mail: mariafrolova@yandex.ru

Когда вспоминают мыслителей-гуманистов XX века, в ряду с Альбертом Швейцером, Махатмой Ганди, Эрихом Фроммом, Джулианом Хаксли называют и Эрнста Блоха (1885–1977). Правда, имя Блоха приходит на память не сразу. Блох, по сути своей, не встраивается ни в какой ряд. Он очень своеобразен и как человек, и как философ.

Главное произведение Блоха — “Принцип надежды” — полностью пока не переведено на русский язык. Есть только фрагмент в сборнике, посвященном утопическому мышлению [4]. Литературы о воззрениях Блоха у нас также почти нет. Были защищены три — четыре диссертации и опубликовано несколько статей. Но и на Западе философия Блоха недостаточно исследована. В ФРГ есть Общество Эрнста Блоха, которое проводит свои конференции. Но в целом его идеи не входят в интеллектуальный мейнстрим.

Наиболее подробно жизненный и творческий путь Блоха описан в книге С.Е. Вершинина [7]. Когда прослеживаешь коллизии этого пути, невольно всплывает известное определение “свой среди чужих, чужой среди своих”.

Блох родился в еврейской семье, но вырос как человек немецкой интеллектуальной культуры и мыслил — как немецкий философ. И все же внутренняя дистанция остается. Когда в 1950-х годах партийные догматики в ГДР взялись его прорабатывать, он отнесся к этому сдержанно. Но когда один молодой тогда и весьма квалифицированный философ написал, что Блох вовсе не диалектический материалист, каковым называет себя, а еврейский мистик, Блох был очень уязвлен.

В период Первой мировой войны, немецкой революции и в межвоенный период Блох интересуется левыми идеями, дружит с Георгом Лукачем, помогает вытащить того из тюрьмы. Но он не рассматривает себя как партийно ангажированного интеллектуала. Он — свободный философ. Однако за ним закрепляется репутация левака.

По своим взглядам Блох наиболее близок к Франкфуртской школе. Это проявляется и в выборе тематики, и в идейных установках. Как и франкфуртцы, Блох в середине 1930-х годов оказывается в эмиграции в США.

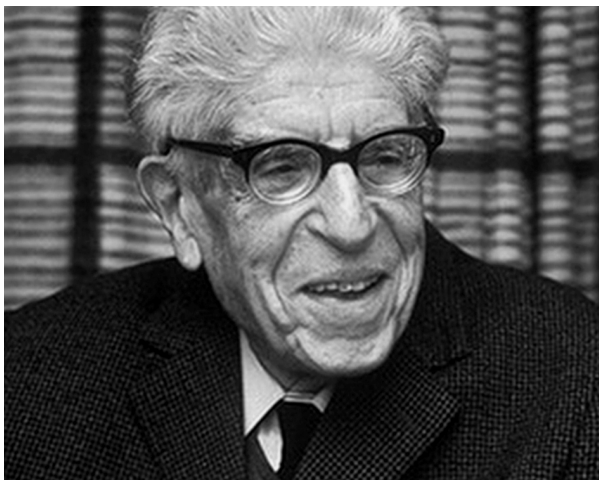
Но когда он попытался устроиться на работу в Институт социальных исследований, его директор, М. Хоркхаймер, отказал: мы коммунистов не берем. В антифашистской эмиграции Блох остался тем же одиночкой, каким был в буре межпартийных столкновений предыдущих лет. Главное — он не изменял самому себе, своим гуманистическим идеалам.

Репутация Блоха неожиданно сработала после победы над нацизмом. Его пригласили преподавать в Восточную Германию. В социалистической ГДР Блох получил кафедру, институт, официальное признание, был награжден Национальной премией. Но коллеги-философы не приняли Блоха сразу. Они не могли перенести, как такое исключительное положение получил человек, ни дня ранее не работавший в университете. Началась идеологическая травля, в результате Блох перестал преподавать, заведовать кафедрой. Но философ не мог перестать делиться своими мыслями. Он начал читать лекции за рубежом.

Когда была возведена Берлинская стена, Блох читал курс лекций в ФРГ и решил там остаться. Ему не впервой было обустраиваться на новом месте, в очередной раз лишившись накоплений и библиотеки. И тут произошло очередное “приключение имиджа”. Блох предстал перед буржуазной общественностью Запада как невозвращенец, как беглец из “коммунистического ада”. Он был признан и принят, зачислен в число уважаемых интеллектуальных мэтров. Не такого признания хотел Блох. К нему проявляли интерес радикально и демократически настроенные левые — им он был действительно близок. Но западная общественность, которая наградила Блоха знаками официального признания, осталась глуха к гуманистическим призывам и предостережениям “тюбингенского пророка”.

Гуманистическое учение Эрнста Блоха выходит за рамки XX века. Тревога за неразумность человечества в океане опасностей чувствуется в гуманизме Блоха очень остро. Его идеи слишком современны, чтобы стать интеллектуальным ширпотребом, наподобие трансгуманистических проектов.

На протяжении всей своей жизни Блох проявлял устойчивый интерес к культурно-психологическим маргиналиям. То,

чем он пристально занимался, всякий раз оказывалось на периферии интересов философского сообщества. Блох обращался к сюжетам, которые возбуждали удивление коллег своим нефилософским характером: фантазии, мечтания, детали и переживания повседневности. Блох лично общался с большинством значительных фигур европейской философии начала XX века. Но подобная направленность интересов Блоха ни в ком в философском сообществе не встречала ни сочувствия, ни понимания.

Главная работа традиционного философа — работа с категориями. Блох не был противником философской систематики, как иногда его воспринимают. Он пользовался при построении своей системы теми же интеллектуальными приемами, что и его коллеги, особенно по немецкой философской традиции. Но он почти полностью отбросил традиционный набор философских категорий. Основными слагаемыми его философии стали утопия и надежда. Блох всегда удивлял философско-профессионалов тем, что превращал в категории такие феномены, как мечта, фантазия, воображение. Никогда еще эти понятия не приподнимались до категориального статуса. Сразу же возникало подозрение в их “психологизации”. Утопия всегда была символом неопределенности. А что такое надежда? Да и так ли уж это важно при осмыслении фундаментальных проблем мира и человека...

Блох же считал, что без категорий утопии и надежды не могут быть поняты ни мир, ни человек. Он перевернул саму традиционную в философии систему координат “мир — человек”. Предназначение человека состоит в том, что через его активность реализуются скрытые возможности мира. Поэтому человек имеет такой же онтологический статус, как и мир. Делает он это благодаря своей фантазии, способности к утопическому мышлению. Но когда человек это совершает, его субъективность впечатывается в необходимость мирового процесса. Онтология получает антропологическое измерение.

Блох мыслил мир в целом и человеческую историю как движение и эксперимент. Отсюда вытекает надежда — оптимистический взгляд на будущее. Реальность всегда открыта для человека. Развитие в философии Блоха не устойчиво. Отношение “человек — природа” оказывается принципиально не определенным. Оно вновь и вновь получает определенность от человека посредством той или иной выдвинутой им “конкретной утопии” [7, с. 85]. Прошлое и будущее сведены в настоящем человека, и он своим усилием осуществляет переход в будущее.

В своей концепции мира и человека Блох обозначает перспективу натурализации человека и гуманизации природы [4, с. 64]. Человек осваивает мир, и это означает, что и мир, и человек находятся в состоянии становления, причем человек выступает как субъект становления мироздания. Гуманизация

природы существует как возможность, но она не predetermined, поэтому становится делом самого человека. “Мир в целом не завершен, но должен быть завершен с помощью человека и благодаря человеку стать лучшим миром”, — писал Блох [18, с. 93]. Человек — передний край эволюции, он не раскрыл еще себя, он также “не завершен”, “находится в стадии становления” [24, р. 46]. Здесь Блох объединяет ренессансные притязания человека и его марксистское осмысление, в котором провозглашается единство “человеческой сущности природы, или природной сущности человека” [12, с. 124]. В этом — онтологическое основание идеи Маркса о единой науке о человеке, которую в нашей философии развивал И.Т. Фролов.

И.Т. Фролов постоянно подчеркивал мысль Маркса о том, что род человеческий находится в “абсолютном движении становления” [12, с. 92, 118]. В ходе этого становления сущность человека получает всестороннее раскрытие в деятельности по освоению и преобразованию природы. Преодолеваются все крайности, абсолютизации частного интереса, препятствующие достижению общечеловеческого единства. “Временные рамки этого становления определить невозможно, — говорил И.Т. Фролов, — и в этом заключалась ошибка тех, кто пытался форсировать этот процесс в нашей стране. Человеку еще *предстоит* стать человеком разумным и гуманным и в этом смысле *новым*” [20, с. 33–34]. И.Т. Фролов смотрел на человека как на развивающееся существо, в отношении которого никогда нельзя сказать, что он достиг идеала. Скорее наоборот: идеал человеческого постоянно выдвигается человеком вперед, как горизонт, к которому следует прийти. В этом — путь гуманизации не только природы, но и самого человека, превращения его в *Homo sapiens et humanus*.

Марксистский гуманизм потребовал от Блоха теоретической смелости. В отличие от всех мыслителей, постулировавших ту или иную “природу человека” в качестве исходного основания, Блох полагал, что гуманность — это становящееся бытие, в котором человек, наконец-то, может стать самим собой. Гуманность — не данность, а процесс, для развития которого требуются усилия разума и воли. Блох разделял мысль Энгельса о человеке: “его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим” [11, с. 510]. Блох называл это “экспериментальным строительством адекватного содержания” [5, с. 326]. И.Т. Фролов эту же мысль Энгельса приводит в качестве эпиграфа в своей обобщающей книге “О человеке и гуманизме” [21, с. 65].

Подобно мыслителям-гуманистам эпохи Возрождения, Блох ставит человека на особое место в мироздании, говорит о его космическом предназначении: “Благодаря двойному союзу мужества и знания, будущее не приходит к человеку как

судьба, а наоборот, человек приходит к будущему”, проявив решимость [4, с. 51]. Утопия у Блоха — средство приближения будущего. Она одновременно объективна, поскольку устремлена к тому, что может стать реальным, и субъективна, поскольку человек сам овладевает будущим. Как писал Сартр в эссе “Экзистенциализм — это гуманизм”, человек не частный случай исходного общего понятия рода, “не мох, плесень, и не цветная капуста”, он становится таким, каким сделает себя сам. “Человек — существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее” [17, с. 323]. Вот почему Блох выдвинул идею “коммунистической космологии”, которая является здесь, как и всюду, “проблемой диалектического посредничества человека и его труда с возможным субъектом природы”, — писал Блох [25, р. 364].

Догматические критики в СССР и ГДР иронически отзывались об антропокосмических идеях Блоха [19; 23]. Но представители гуманистического марксизма двигались в том же направлении, что и Блох. Можно вспомнить “Космологию духа” Э.В. Ильенкова — его посмертно опубликованную “философско-поэтическую фантазмагорию, опирающуюся на принципы диалектического материализма” [9]. Чрезвычайно символично, что заключение к своей последней обобщающей монографии “О человеке и гуманизме” И.Т. Фролов назвал совсем по-блоховски: “Надежда на будущее: к новому Ренессансу человека и гуманизма”. В последних абзацах книги мы встречаем проникновенные строки: “Устремляясь все дальше в неизведанные тайны мироздания, в загадочные глубины собственного Я, человек выполняет свое космическое предназначение и вообще утверждает себя как Человек. На этом великом пути человечество создает новый тип цивилизации, полностью соответствующий сущностным силам человека и единственно достойный его... Всемирная история, говорил Гегель, не арена для счастья. Но она не предназначена и для несчастья. Надо мыслить и действовать во имя человека и человечества. А далее... Не надо гадать, будем *надеяться* и оставим эту *надежду* будущим людям, которые придут после нас” [21, с. 551–552].

Пусть даже выраженные в текстах этих гуманистов надежды на будущее космическое существование и развитие человека не оправдаются перед суровым ликом “равнодушной природы”, и “прекрасное далёко” окажется жестоким. Но они нужны нам сегодня *именно как надежды*, то есть как стимулы, придающие духовные силы жить и творить здесь и теперь.

Мы согласны с оценкой К.Н. Любутина, что благодаря пониманию “бытия как вечного становления, развертывания возможностей человеческой сущности, устремленности в будущее, Блох может оказаться современнее, чем постмодернистская парадигма, констатирующая конец субъекта и невозможность новаций” [10, с. 190]. В биоэтике четко зафиксирована ситуация

озабоченности будущим. В современных исследованиях рассматриваются различные варианты возможного будущего и способы повлиять на него. Проблема будущего — насущная проблема в условиях, когда необходимо проанализировать различные варианты применения “конвергентных технологий” [8, с. 137] к задаче трансформации человеком своей собственной природы.

Вопрос постчеловеческого будущего был поставлен еще современником Блоха Дж. Хаксли¹, который в 1950-е годы заговорил о “конструировании” применительно к человеку и ввел термин “трансгуманизм”. Причем логика трансгуманизма не порывала вначале с гуманистическим подходом, в основе которого — деятельное отношение человека к своему будущему. В трансгуманистической идеологии утопические картины трансформации будущего и места в нем человека играют большую роль. Идеологи трансгуманизма 1960–1990-х годов понимали эту идеологию как устремленность к образам будущего, помещенным в настоящее [2, с. 177]. Но технократические иллюзии конструирования желательных свойств природных объектов, включая и человека, пересилили рациональные, этические и правовые издержки.

Что произошло сегодня в отношении гуманистической идеологии? Ее настойчиво пытаются представить устаревшей. Те, кому оказалось не под силу постичь сущность человека, избрали себе легкий путь: выбросить трудную задачу вместе с предметом, ее породившим. Перейти от человека к транс-, пост- и прочим биокиборгам. Поэтому сегодня так же, как и тридцать пять лет назад, актуальна статья И.Т. Фролова “О человеке разумном и гуманном, а также о биокиборгах, бессмертии и воскрешении мертвых и вообще о мифологии в век НТР” [22]. И.Т. Фролов сформулировал там положение о “мифологии века НТР”. Современная мифология процветает не от неразвитости науки, а оттого, что человечество развивается отчужденно и не может освоить полученные наукой результаты себе “не на горе, а на радость”.

Сбывшаяся утопия — не дар и не навязанное будущее. Будущее творится самим человеком. Антигуманна ситуация, при которой некоторый вариант будущего навязывается независимо от согласия или несогласия людей. Они уже тогда не могут считаться субъектами. Но именно так дело обстоит в существующих трансгуманистических утопиях [14, с. 397]. Грань между гуманизмом и трансгуманизмом переходит тогда, когда в процессе “конструирования” решают пренебречь уникальными человеческими чертами. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, что противники трансгуманизма “не могут провести демаркационную линию, где заканчивается природа и начинается технология” [2, с. 182]. Как только начинается биомедицинское вмешательство с целью телесной адаптации к *текущим* условиям жизни, вместо пре-

¹ Впервые слово “transhumane” использовал Данте Алигьери в “Божественной комедии” (1312). Термин “трансгуманизм” впервые применил биолог Дж. Хаксли в 1957 году. Он назвал трансгуманистом человека, который самосовершенствуется, чтобы овладеть новыми умениями и способностями, но при этом остается человеком.

образования самих этих условий, грань между человеческим и нечеловеческим стирается.

Следуя мысли Блоха, можно сказать, что, надеясь на лучшее будущее, сознательно выдвигая утопию справедливого общества, управляя процессом развития, человек реализует заложенный в самой материи “принцип надежды”. Категория надежды, по Блоху, в своем онтологическом аспекте характеризует процесс перехода материи к новым качественным состояниям: “направленность на не возникшую еще возможность” [25, р. 17]. В человеке возможное проявляется как активно возможное, он целенаправленно обеспечивает “перевес надежды” [16, с. 47]. Поэтому человек не может утратить своей субъектности, не лишившись вместе с тем и надежд на будущее. Это будет одномерное существование транс- и прочих киборгов, но не человеческое бытие.

Надежда в своем субъективном измерении рассматривается Блохом как утопия. Человек каждодневно моделирует небольшие утопии: в кино, театре, цирке, в сказках, мечтах наяву “с закрытыми глазами”. А ведь эти утопии служат человеку опорой на пути его движения вперед. На протяжении всего его творческого пути, мысль Блоха вращалась вокруг одной проблемы: как возможно возникновение нового в мировом развитии и человеческой практике? Откуда берется новое? Как оно становится существующим? Где оно обреталось до этого? Какова роль человека в приближении нового, в превращении будущего в настоящее? Для Блоха кантовский вопрос “На что я смею надеяться?”, — означал вопрос: “Для чего я здесь? Чего я могу ожидать?”.

Нашим исходным состоянием всегда является отсутствие будущего. Пока оно не начало наступать — мы в состоянии неопределенности. Ситуация отсутствия полна многообразием возможного, поэтому она — отнюдь не состояние покоя. Блоха интересуют предметы стремлений, которые пока еще в принципе не существуют, но ожидаются, еще только просматриваются на горизонте. Человек может обнаруживать тенденции развития реальности благодаря фантазии. Фантазия, по Блоху, может не только уводить человека от действительности, но и вскрывать связи и отношения, которые не даны непосредственно, скрыты за наличным бытием [4, с. 77].

В состоянии ожидания человек одновременно и боится будущего, и надеется на него. Более того, реальная возможность осуществления будущего только усиливает тягу к нему. Блох использует в этой связи известный и понятный образ “ящика Пандоры” [25, р. 362]. В наше время оппозиция страха и надежды неотделима от функционирования биомедицинских технологий: “они расширяют возможности медицины за счет новых устройств и делают человека уязвимым” [1, с. 55]. В результате образ человека будущего не всегда может адекватно направлять сегодняшние поиски. В этих условиях резко возра-

стает ответственность тех, кто прогнозирует те или иные научно-технические новшества и определяет пределы использования технологий [8, с. 138]. Специалисты по биоэтике настойчиво предостерегают от следования столь привычному в технологичной культуре принципу: если нечто технически возможно, оно должно быть осуществлено. Вопрос о последствиях перекладывается на плечи будущих поколений.

Переход к будущему сопряжен с неизвестностью, с риском, ведь любая попытка осуществления надежды может не просто закончиться неудачей, но и повлечь за собой дополнительные опасности. Человек все время находится в противоречии между страхом и надеждой. Оба состояния коренятся в неуверенности и ожидании последствий поступка. Поступок обнаруживает то, “что еще не существует, но движется в самом себе в ядре вещей, что ожидает в скрытой тенденции процесса своего рождения” [25, р. 487].

В современных биомедицинских и иных НБИКС-технологиях риски могут возникать на всех этапах функционирования: от разработки технологий до их правового обеспечения, нелечебного применения и социального использования. Ситуация усугубляется тем, что неизвестные риски могут скрываться в уже созданных нанотехнологических продуктах. Р.Р. Белялетдинов видит в непредсказуемости рисков серьезную этическую проблему. Суть ее в том, что происходит выход за возможности, предоставляемые природой. Непредсказуемое будущее творится руками человека, и нет уверенности в том, что он справится с управлением рисками. Ставится вопрос о необходимости формулирования “концептуальных заготовок”, из которых, когда риски более или менее проявятся, можно будет выстроить этику безопасного нанотехнологического развития [1, с. 64]. Категория риска в концептуальной схеме Блоха вполне может служить матрицей для такого предварительного концептуального конструирования.

Когда человек берется раскрывать объективные возможности мироздания, он оказывается, по словам Блоха, на фронте. Человек здесь открыт со всех сторон и не имеет никаких гарантий. Переводя возможное в действительное, он должен преодолеть созерцательность и оказать силовое давление на инерцию небытия, препятствовавшую до сих пор свободной реализации возможности. Таким образом, происходит взаимная борьба и взаимное изменение субъекта и объекта. Их встреча во всей ее подлинности, непредсказуемости и судьбоносности и называется в терминологии Блоха фронтом: “человек и процесс, а лучше сказать субъект и объект, в равной мере задействованы в диалектико-материалистическом процессе на линии фронта. Для воинствующего оптимизма не существует иного места, кроме того, которое открывает категория фронта” [4, с. 54].

Категория фронта может быть использована при постановке биоэтических проблем. Существующее состояние чело-

века не устраивает, он “обращает перфекционистскую установку на биологические основы собственного существования” [14, с. 396]. Человек, взявшийся за переделку собственной природы, не имеет никаких гарантий. Он на переднем крае борьбы. В данном случае это борьба за трансформацию его природы. Ни исход борьбы, ни то, к какому состоянию она приведет, неизвестны. Открытость формирующейся ситуации человека даже превышает разумные пределы.

Вступив в ситуацию фронта, человек все время оказывается на границе. Граница не просто соединяет-разделяет прошлое и будущее. В ней сходятся, повторяя слова Аполлинера, любимые И.Т. Фроловым, “грядущее и беспредельное”. Блох последовательно выступает против абсолютизации “ставшего” в истории и в философии. “Сама реальность является неокончательной; на ее границе расположено то, что наступает и вырывается за ее предел; человек нашего времени хорошо ощущает свою пограничность” [4, с. 51]. Граница для человека и в том, что шанс осуществления надежды может быть упущен. Неопределенность становится здесь для человека истинной гарантией свободы.

Категория границы играет существенную роль в биоэтической проблематике. Граница переходит в современной биоэтике в нескольких смыслах. В глобальном плане говорится о переходе границы между человеком и постчеловеческим существом, которое будет управлять своей телесностью и наследственностью. Человек должен перейти через себя, но ведь он сам совершает этот переход. В результате образ человека размывается и происходит “радикальная трансформация антропологических границ” [15, с. 169]. Но даже применительно к собственно человеку граница переходит: “от классического лечения — к улучшению, усовершенствованию его качеств, новым возможностям функционирования телесности” [там же]. Постоянно находятся на грани между человеческим и не-, пост-, транс- и т.п. “человеческим”, а где эта грань пролегает, определить уже не в состоянии.

Человек сохраняет надежду, пока видит впереди по направлению к будущему горизонт, возможность реализации потенций бытия, понятых человеком и ставших для него целями его действий. Через горизонт утопия “направляет существующее” [13, с. 159]. Блох принципиально подчеркивает безмерность, неизмеримую широту горизонта, имея в виду неисчерпанность возможностей [4, с. 63]. Он пишет, что когда горизонт “прозрачен и виден насквозь”, действительность предстает “переплетением путей диалектических процессов, происходящих в неготовом мире”, и подлинно реалистичский подход к миру означает реализацию его возможностей субъектом. Горизонт у Блоха — субстрат для появления в нем реальных возможностей [25, р. 243], своего рода порт для конкретных утопий [4, с. 78]. Он притягивает. Надеющийся

человек начинает видеть мир таким, каким он должен быть, и устремляется вперед. Утопия раздвигает горизонт вдаль, позволяя выйти на свет очередному новому артефакту или новой возможности материи.

В современных биоэтических дискуссиях проблема горизонта связана со стремлением реализовать всякую возможность, возникшую в результате технологического развития. Перспектива реализации возможности притягивает сильнее, чем работают сдерживающие соображения, связанные с охраной природной среды и биологической и психической идентичности человека.

Перейдя границу и подходя к горизонту, человек встречается с принципиально новым. Новое вызывает в человеке стремление воплотить возможность. Стремление более сильное, чем опасение обнаружить в реализованной возможности источники новых бед. Вместе с тем, новое всегда обещает незавершенность и дает надежду на возможность исправить, начать все заново. В новом происходит активное взаимодействие субъекта и объекта, раскрытие потенций материи, поэтому развитие оказывается, по Блоху, всегда направленным “наверх”.

Категория нового вполне соответствует притязаниям биоэтики. В биомедицинских исследованиях происходит движение от невозможного к небывалому. “Сейчас мы имеем дело с ситуацией, когда природа человека открыта экспериментированию, намеренному рациональному конструированию” [15, с. 164]. В сфере осмысления биотехнологий и их потенциальных возможностей понятие утопии играет одну из ключевых ролей. Характерна постоянная апелляция к конструируемому будущему, притязания на улучшение природы и человека.

Философия Блоха не случайно оказалась адекватной вызовам XXI века и может быть весьма органичной для биоэтики. В учении Блоха мы видим нестандартное понимание роли философии: “философия становится не просто рефлексией по поводу этого мира, а деятельным освобождением человечества” [6, с. 100]. Иного и нельзя было ожидать от философии, по-настоящему устремленной в будущее, от философии, которая возникающее благодаря уму и воле человека превратила в специальный предмет осмысления.

Будем надеяться, что концептуальные идеи Э. Блоха со временем будут интегрироваться биоэтикой. Биоэтика как философская дисциплина не может ограничиться прикладными проблемами новых технологий. Слабая философская обоснованность биоэтики осознается в литературе: “формирование контекстуального и вместе с тем рефлексивного философско-этического обеспечения для технологий — задача, возникшая из междисциплинарных исследований 1990-х годов, из распространения рискованных научных исследований и запроса об-

щества на ответственную и безопасную науку” [3, с. 401]. Профессор Е.Н. Гнатик считает, что “на повестке дня стоит проблема создания некоторой синтетической теории для объяснения особенностей работы не просто с живыми объектами, но с человеком” [8, с. 138].

В учении Блоха предусматривалось, что новое осуществляется как процесс, оно совсем не обязательно должно реализоваться сразу; чаще всего происходит осуществление тенденции постепенно. По Блоху, мир не гарантирован от нереализованности своих скрытых возможностей так же, как и человек — от неудачи. Он может не успеть воплотить моменты будущего в настоящее за свой отрезок жизни. Но в структуре бытия утопическая мечта, к которой человек стремился, все же более значима, чем обстоятельства прошлого, помешавшие ему.

В философии Блоха мир остается “незавершенным”, пока человек не достиг в своем развитии гармонии субъективного и объективного, духовного и материального. Блох никогда не отказывался от социалистических взглядов, они играли существенную роль в его философии. При этом социализм у него неотделим от гуманизма. Реальный характер гуманизма в том, что это вариант общественного развития, который сознательно направляется к определенной цели и не нарушает сущности цели применяемыми средствами: “Гуманность здесь в качестве дальнейшей цели в общественной тенденции так же откровенно и совершенно управляема” [25, р. 472]. Социализм для Блоха — это далекий идеал, к которому человек и общество придут последовательно через снятие отчуждения, через демократию, через раскрытие личности в каждом человеке.

Литература

1. *Белялетдинов Р.Р.* Риск как элемент этики новых технологий в области биомедицины // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза.* Вып. 5. М., 2011.
2. *Белялетдинов Р.Р.* Трансгуманизм и биотехнологии: проблема формирования технократического образа человека // *Проблема совершенствования человека в свете новых технологий.* М., 2016.
3. *Белялетдинов Р.Р.* Формирование перспективы развития нанотехнологий в исследованиях науки, общества и технологий (STS) // *Новое в науках о человеке.* М., 2015.
4. *Блох Э.* Принцип надежды (фрагмент) / Пер. Л. Лисюткиной // *Утопия и утопическое мышление.* М.: Прогресс, 1991.
5. *Блох Э.* Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997.
6. *Болдырев И.А.* Эрнст Блох и его интерпретация “Феноменологии духа” // *Историко-философский ежегодник.* 2007. М.: Наука, 2008.
7. *Вершинин С.Е.* Жизнь — значит надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 2001.
8. *Гнатик Е.Н.* Проблемы прогнозирования в сфере конвергентных технологий // *Ценностные основания научного познания.* М., 2017.

9. Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М.: Политиздат, 1992.
10. Любутин К.Н. Рец. на кн.: Вершинин С.Е. *Жизнь — значит надежда*. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 2001 // *Философия и общество*. 2002. № 2.
11. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 20.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Там же. Т. 42.
13. Морозов С.М. *Утопия и утопическое у Эрнста Блоха* // *Социологические исследования*. 1978. № 1.
14. Попова О.В. *Человек как биотехнологический артефакт: pro et contra* // *Новое в науках о человеке*. М., 2015.
15. Попова О.В. *“Фантастические” перспективы развития гуманитарного знания в свете развития технологий усовершенствования человека* // *Проблема совершенствования человека в свете новых технологий*. М., 2016.
16. Рачин Е.И. *Критический анализ категорий “Философии надежды” Эрнста Блоха*. Дисс. ... канд. филос. н. М., 1979.
17. Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм — это гуманизм* // *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1990. С. 323.
18. Сокольников З.Л. *Идеалистический антропологизм и телеология в “Философии надежды” Эрнста Блоха* // *Философские науки*. 1976. № 5.
19. Фогелер Я.Г. *Критика философского ревизионизма Э. Блоха в Германской демократической республике* // *Философские науки*. 1958. № 2.
20. Фролов И.Т. *К пятидесятилетию журнала “Вопросы философии”* // *Вопросы философии*. 1997. № 6.
21. Фролов И.Т. *О человеке и гуманизме*. М., 1989.
22. Фролов И.Т. *О человеке разумном и гуманном, а также о биокиборгах, бессмертии и воскрешении мертвых и вообще о мифологии в век НТР* // *Наука и жизнь*. 1983. № 4.
23. Ханиш Э. *О философском псевдомарксизме Э. Блоха* // *Философские науки*. 1974. № 5.
24. Bloch E. *Auswahl aus seinen Schriften*. Frankfurt a/M., 1967.
25. Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. Berlin, 1959. Bd. III.

НОВЫЕ КНИГИ

- Тиллих П. *Систематическая теология*. В 3 т. В 2 кн. 2-е изд. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.
- Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*. М.: Альфа-книга, 2017.
- Уилсон Э. *Будущее Земли: Наша планета в борьбе за жизнь*. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 320 с.
- Харрис Д. *Византия: История исчезнувшей империи*. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 386 с.
- Хобсбаум Э. *Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке*. М.: АСТ; CORPUS, 2017. 384 с.
- Цейтлин Гилель. *Избранные труды*. М.: Книжники, 2017. 774 с.
- Шестаков В.П. *Русский серебряный век: запоздавший ренессанс*. СПб.: Алетейя, 2017. 218 с.